

Марченя Павел Петрович — кандидат исторических наук, доцент Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета; доцент кафедры философии Московского университета МВД России, г. Москва

Крестьянин и Империя: есть ли смысл у «русского бунта»?

Ключевые слова:

Империя, крестьянство, правосознание, «правовой нигилизм», бунт, смута, революция, крестьяноведение, россияне

Статья представляет попытку современного исторического прочтения мнимой «бессмысленности русского бунта». Российское крестьянство, крестьянское правосознание и крестьянский бунт рассматриваются в контексте существования и воспроизводства Российской Империи как особой формы единения власти и народа, имеющей свои защитные механизмы и способы обеспечения цивилизационной идентичности.

По объективно значимому выражению современного историка-крестьяноведа Д.И. Люкшина, «то, что Россия — страна крестьянская, справедливо и по сей день. Без учета этого обстоятельства, как и без уяснения того, что «национальная история есть путь к национальному самосознанию» (С.Ф. Платонов), которое собственно и выделяет народы культурные, невозможно ни понимание сути сегодняшних общественных процессов, ни развитие гуманитарного знания» [9, с. 133]. Действительно, целый комплекс вопросов, непосредственно связанных с осмыслением места и роли крестьянства в истории России и ее современности, признается отечественным научным сообществом исключительно значимым для понимания как ретроспективы, так и перспективы нашего государства и общества [12, с. 22–24]. И этот комплекс до сих пор «жгучих» вопросов уже давно не уместается в границах проблемного поля традиционной

Не приведи Бог видеть русский бунт: бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас всевозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка — копейка.

А.С. Пушкин

А может быть, извечный кнут,
Повсюдный, тайный и площадный —

И породил российский бунт
Бессмысленный и беспощадный?

И.М. Губерман

Бунт — «бессмысленный и беспощадный» с управленческой точки зрения — на деле есть крайняя форма напоминания власти о ее просчетах.

В.П. Булдаков

аграрной истории, привычно возделываемого преимущественно одними крестьяноведами. Сегодня он является предметом системного междисциплинарного анализа историков, исторических антропологов, социальных и политических психологов, социологов, политологов, философов, культурологов, юристов, экономистов и многих других специ-

алистов, которые по роду своих профессиональных интересов не могут оставаться равнодушными к проблемам, кумулятивно сосредоточенным в «критической массе» так называемого «**крестьянского вопроса**» [7].

Ответ на этот вопрос далеко не прост. Ученые, специализирующиеся на проблемах, связанных с выяснением смысла и роли кре-

стьянских масс в исторических процессах, не смогли выработать даже общепризнанного определения самого понятия «**крестьянство**». «Крестьянство — явление загадочное», — приходили к выводу специалисты, всю жизнь посвятившие его изучению. — «Стабильность? Консерватизм? Радикализм?» — однозначного решения проблема не находит выделения сущностных типологических черт крестьянства как политического явления [3, с. 14]. Отмечая «экстерриториальность», «внесоциальность», «внесистемность» (или «полисистемность»), «замкнутость», «стихийность», «локальность», «неорганизованность», «неконтролируемость» крестьянства как одного из важнейших, тем не менее, элементов любой политической системы, большинство исследователей, вслед за патриархом крестьяноведения Теодором Шаниным, называют крестьянство «**Великим незнакомцем**» [2] и единодушно признают «**неудобным классом**», «единственным общеклассовым свойством» которого является «стремление сбросить свои общеклассовые характеристики», и, в то же время подчеркивают, что крестьянство имеет высокий «уровень социального единства, усиливаемый символической изоляцией, который в рабочем классе демонстрируют лишь шахтеры, докеры, лесорубы и некоторые другие профессиональные группы» [16, с. 67, 68].

Вопрос о том, было ли востину многотрадное крестьянство России в ее истории самостоятельным «*историческим субъектом*», «*коллективной личностью*» (А.В. Гордон) [3], особым социальным типом — «*персонификатором взаимодействия универсальной и системной социальности*» (А.И. Фурсов) [16], или все время служило лишь «*немой всеобщностью*», через которую проявлялась «*объективная историческая необходимость*» (И.В. Сталин) [5, с. 16], — также остается предметом далеких от академического хладнокровия, без преувеличения ожесточенных дискуссий.

Так или иначе, но в отечественном историческом дискурсе «крестьянский вопрос» по праву занимает место «вопроса вопросов», аккумулирующего все основные конфликты русской истории и заключающего в себе пути решения важнейших проблем проективного россиеведения.

В таком контексте, «крестьянский вопрос» представляет собой многоузловую «корневую систему» проблем политического, социально-экономического, социально-правового, социокультурного, социально-психологического характера, в которой переплелись интересы самых разных массовых слоев русского общества, особенности их менталитета и исторической предрасположенности к покор-

ному смирению перед властью в известных пределах и активным протестным действиям в условиях «*смутного времени*», когда эти «пределы» нарушены.

Таким образом, «крестьянский вопрос» принципиально не может быть сведен к «*земельному / аграрному вопросу*», а само крестьянство не может быть понято лишь как пассивный объект манипуляций со стороны власти и «несознательный» источник пополнения социальной базы различных «сознательных» политических сил. В социальных конфликтах Российской империи *крестьянская ментальность* всегда играла колоссальную роль, в отличие от крайне ограниченных возможностей *элитарного* воздействия на настроения и поведение крестьянских масс извне [1]. Крестьянство в российской истории определяло «особенности русского исторического процесса» в целом [11] и оказывало влияние на элиты большее, чем элиты на крестьянство. Более того, «крестьянский вопрос» в России всегда был неразрывно сопряжен с **вопросом о власти**: о ее политической «твердости», адекватности собственному народу и собственной истории и легитимности в массовом сознании — либо о ее политической импотентности, внеисторической отчужденности от своего народа и своего времени и «самозванстве» в массовом сознании.

Вопрос о власти как власти

Объезд епархии

«своей» — за которой можно самоотреченно идти на подвиг и от которой многое можно самопожертвенно стерпеть — или как власти *«чужой»* — против которой нужно «всем миром» решительно браться за вилы и топоры до полного уничтожения «временщиков» и «самозванцев» — это вопрос в истории Государства Российского, в конечном счете, всегда решался именно крестьянством. Причем не только как беспспорно абсолютным большинством населения Империи и главным субстратом массового сознания, но и как собственно носителем «русскости», выразителем архетипов российской цивилизации, хранителем исторической памяти России, тем «базисом», на котором, по образному выражению Г.П. Федотова, «высится колонна Империи», той «почвой», «на которой произрастают ее сады» [15, с. 154].

И значит, «крестьянский вопрос» был и остается еще и вопросом о цивилизационной идентичности самой России, вопросом живой связи ее прошлого, настоящего и будущего, вопросом об органическом единстве власти и народа, государства и общества, цивилизации и культуры, способном стать надежной основой для очередного модернизационного рывка, — либо о противоположной расколотости и взаимном отчуждении элит и масс, чреватых срывом в очередную всероссийскую смуту.

И когда в богатой на потрясения российской истории «обыденные формы сопротивления крестьян» как *«оружие слабых»* [14] против «всесильной» государственной власти оказывались недостаточны для ее вразумления, российское крестьянство демонстрировало, кто является действительной силой российской государственности. Хрестоматийно известный крестьянский бунт, действительно беспощадный, но отнюдь не бессмысленный, неоднократно вынуждал власть России возвращаться к своим истокам, коренным образом меняя *«политические элиты»* и *«исторические альтернативы»*. Крестьянский бунт в имперской истории не есть просто «форма самозащиты крестьянской общины» [8, с. 144], — в значительной мере, это проявление механизма самозащиты всего

Имперского тела.

Кратко проиллюстрируем сказанное на материалах, казалось бы, хорошо известных событий начала XX в. (преимущественно 1917 г.), вызревавших на протяжении почти всего XIX в., от «Великой реформы к Великой революции» [13], и изменивших лицо России и всего мира — во многом благодаря крестьянству и крестьянской ментальности.

Трудно не согласиться с выводами отечественных историков-аграрников, подчеркивающих, что «масштаб и характер Русской революции определялись прежде всего участием крестьянства, составлявшего свыше 80% населения страны. На основе крестьянской революции развергались и все другие — буржуазные, пролетарские, значение и исход которых определялись, в конечном итоге, их отношением к этой основе — к крестьянской революции. Эту революцию Россия ждала XIX в., о чем свидетельствует и русская литература, и весь ход аграрных реформ, и крестьянские бунты, постоянное явление русской жизни» [4, с. 10].

Намеренно отвлечемся от изученных до дыр социально-экономических мотивов и сюжетов, безусловно сыгравших важную роль в истории традиционной борьбы российского крестьянства за свое исконное понимание *Права, Правды и Справедливости*, и остановимся исключительно на идеократической стороне этой истории.

Империя Россия — это прежде всего особая форма единения народа и власти, имеющая свои иммунные механизмы и способы обеспечения социально-органической идентичности и цивилизационной преемственности. Основой исторической стабильности и успешного развития Империи является особое массовое сознание, в котором укоренена Идея служения великому целому, вера в *Империю как земной оплот Императива и Державу как силу, сдерживающую Зло*. Фундаментом такой веры (а не только социально-экономической опорой Империи) и было российское крестьянство.

Когда элиты теряли чувство меры в соотношении *«Чужого»* и *«Своего»* (*Реформ и Начал, Утопии и Истории, Модерна и Традиции...*), наступало *«Смутное время»*. И тогда на сцену по-

литической истории вынужденно выступали *возмущенные смутой* крестьянские массы, в *нормальное* историческое время пребывавшие во *внеполитическом* измерении. И в очередной раз напоминали забывшимся политикам о том, что *Красный петух и Вилы* не остались навсегда в области предания. И продолжалась Смута до восстановления относительно *здоровья* Империи (изгнания *«чужой»* власти и возвращения власти *«своей»*). Начинаясь и заканчиваясь «смута» всегда «в головах», в массовом сознании, и в таком контексте настроения крестьянства (его лояльность либо его негативизм) традиционно являлись критическим значимым показателем иммунного статуса Имперского организма, а крестьянский бунт может быть, по аналогии, осмыслен как его иммунная реакция.

Таким образом, любые радикальные образования со стороны элит могли иметь успех только в том случае, когда они выдерживали иммунную проверку общинным крестьянством (*«миром»*), система распознавания которого была древней *«как мир»*, базирясь прежде всего на бинарных архаических координатах: *«Свой — Чужой»*.

В этой связи, заслуживает интереса сопоставление в рамках такого рода антагонистических оппозиций, с одной стороны, основополагающих мировоззренческих установлений российского сельского общества, с другой стороны, доминантных ценностей активно трансплантируемой в российскую «почву» в течение XIX – начала XX вв. *«либеральной альтернативы»*.

Одним из важнейших ориентиров либерализма являлась (и является) идеологическая конструкция *«правового государства»*, предполагающая «господство права» и «верховенство закона» и берущая начало еще от древних принципов римского права («Пусть погибнет мир, но торжествует закон», «Закон суров, но это закон»), на которых базируется политико-правовая система цивилизации Запада. Для российского крестьянства, веками впитывавшего православное понимание земного порядка в его соотношении с вечными ценностями, характерно подчеркивание вторичности позитивного права по отношению к Правде

(«Право есть могила Правды»), противопоставление «Закона и Благодати», непризнание за писаными простыми смертными законами статуса Высшей Ценности, стремление к единообразию практической жизни и мышления.

В критических ситуациях исторически крайним следствием из этого для склонного к религиозному по своей сути этическому максимализму русского крестьянина является презрение к *позитивному* праву, если оно оторвано от сферы духовного, отвлечено от жизненных реалий, не согласовано с традиционными ценностями и не обеспечено твердой властью и соответствующим репрессивным механизмом. Но это вовсе не нигилизм к *Праву* как к мере должного и пределу допустимого [10]. Напротив, российское крестьянство многократно демонстрировало колоссальную способность к мобилизации против «чужого», «неправового» в смысле «не правового», и единодушному, соборному подчинению власти, «правость» которой признана «общенародно», «всем миром». Наше крестьянство не раз демонстрировало не просто чудеса смирения и покорности перед властью, которая в его глазах права и значит обладает достаточной политической и правовой волей (*Властью «в своем праве»*), но и готовность к коллективному подвигу и самопожертвованию во имя *Правды*.

Другое дело, что для русского крестьянина «своим» являлся *Обычай*, а *Закон* всегда был «чужим», и символом земного порядка выступал *Царь*, а не *Конституция*. Если западный человек *законопослушен*, то русский крестьянин — *властепослушен*, но послушен лишь до тех пор, пока власть права и сильна. Крестьянство жило относительно замкнутыми от *внешнего мира* общинами (*своими «мирами»*), организованными по принципу безусловного подчинения большинству (общинный коллективизм органически несовместим с либеральным индивидуализмом). Если власть ослабевала и допускала смуту, то «миры» выступали уже готовыми «боевыми единицами» («партизанскими отрядами», «полченскими дружинами», «повстанческими формированиями...») крестьянства в борьбе с «чужими» за свою «Зем-

лю» и свою «*Правду*». А «*Свобода*» понималась крестьянами как прежде всего Богом данная (внутренне присущая) «*Воля*», то есть свобода от всяческих ограничений *извне* (но никак не либералистская «*осознанная необходимость*» действовать в рамках позитивного закона). Причем если для либерализма непреходящей ценностью являлась (и является) *частная собственность*, в том числе и *на землю*, то для крестьян было чуждо юридическое понятие частной собственности и совершенно неприемлема собственность на землю. Право на землю являлось коллективным, носило сакральный характер и вытекало из общеправовых представлений о наделении землей тех, кто ее обрабатывает.

Либерализм на Западе имеет глубокие традиции, уходящие корнями в античность. Усвоение либеральных идей предполагает цивилизационно детерминированный уровень политической и правовой культуры. Реализация либеральной модели предполагает многопартийность, парламентаризм, демократию... Наверное, нет необходимости подробнее развивать тезис о том, что российские реалии были, скажем мягко, несколько иными... Либерализм как идеология «среднего класса», «умеренности» и «золотой середины» относительно благополучного в материальном смысле западного общества не мог вдохновить склонного к крайностям русского мужика, объединяющего в себе все противоречия далекой от размерности и сытости русской жизни.

К тому же не стоит забывать, что идеи либерализма проникали в Россию преимущественно через представителей дворянства и разночинной интеллигенции. Первые крестьянские массы воспринимали в качестве «бар», объективно «укрававших» у них «Землю и Волю», а вторых — чаще всего как никчемных, бесполезных для реальной / сельской жизни «дармоедов». При этом и те, и другие, как правило, не умели говорить со своим народом на его языке, «адаптировать» предлагаемые «чужеземные» рецепты с учетом реалий русского крестьянского сознания, — и лишь усугубляли атмосферу недоверия и неприязни сельских жителей по отношению к «городским» и «странным делам, творимым ими в городах».

В целом, если сопоставить основные ценностные элементы либеральной альтернативы и глубинные интенции крестьянских масс, то характер их отношения можно обобщенно (и, соответственно, предельно утрированно) представить как *дихотомию «чужого» и «своего»*, как систему своеобразных *бинарных оппозиций, ментальных антиномий* (разумеется, приведенный ниже таблично-редуцированный авторский вариант не претендует на бесспорность, и автор отдает себе отчет в необходимости уточнения терминов, однако необходимые комментарии выходят за рамки этой статьи): **табл. 1.**

Наличие этого явного антагонизма между «*передовыми идеями элит*» и «*отсталым, темным народом*» России, оказавшимся «*недостаточно хорошим для этих идей*», преступно игнорировалось «просвещенными» верхами на протяжении критически длительного времени, в конце концов закономерно закончившегося органическим отторжением не способных или не желавших понимать свой народ политических элит.

Более того, сами элиты долго и старательно подготавливали будущий всеимперский социальный взрыв, но без вдохновения подпиливая сук, на котором сидели, последовательно (зачастую талантливо, а местами даже гениально) подрывая крестьянскую веру в Российскую Империю как воплощение *Русской Идеи*. И здесь мы даже не будем отдельно рассматривать активно эксплуатируемый в исторической литературе факт тотальной дискредитации и десакрализации «*Батюшки-Царя*» и Самодержавия в целом, очевидно имевший далеко идущие последствия.

Вопрос гораздо глубже: речь идет о попытках дискредитации и десакрализации самой *Идеи России* в сознании ее народа.

Приходится признать: Великая Русская «*антикультурная*» революция 1917 г. во многом стала порождением Великого «*Золотого века русской культуры*». Действительно, уже во внешне «золотом» XIX в. российское общество переживало внутренний *цивилизационный кризис*. И прежде всего это был глубочайший кризис общественного сознания и самосознания — духовно-ценностный, идейно-нравственный,

социально-мировоззренческий, религиозно-идеологический. Даже сама «Русская философия» фактически началась с нигилистической постановки вопроса о России как о «похмелье человечества» и «уроке» всему человечеству «как не надо жить» (П.Я. Чаадаев).

Но все же у истоков будущей революции стояли не собственно «философы», как это было в Европе, а Ее Величество «Великая русская литература». Гениальные отечественные мастера слова — А.С. Грибоедов, Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.Н. Островский и другие (не

говоря уже об их менее талантливых, но, естественно, более многочисленных эпигонах) изображали свое Отечество «городом Глуховым», «страной дураков», местом, где торжествует по сути inferнальная Неправда. Правящая элита Империи рисовалась классиками скопищем придурков, держиморд, кровососов, жуликов или поповствующих мракобесов, служители Русской Православной Церкви представлялись тупыми пропойцами и лукавыми лицемерами, Государство Российское в целом — средоточием зла, насилия и обмана.

При этом самой русской на-

циональной традиции (возможно, как никакой другой), была имманентна этикоцентристская «политическая» максима, согласно которой «*пусть лучше разрушится жизнь, в которой нет доброго, чем стоять с помощью зла*» (К.С. Аксаков). В полном соответствии с такой программной установкой, отечественная радикальная интеллигенция выступала не созидателем, а разрушителем российского общества, не отвечавшего их идеалам (по образному выражению М.А. Бакунина, воспевавшего тотальное «творческое» разрушение, положительный общественный идеал вообще есть лишь «онанизм мысли» и «бесплодное растение ума»).

Умозрительно конструируемое «Светлое будущее» оказалось жестко противопоставлено «Темному настоящему». Фактически, вместо разработки конструктивных социальных рецептов и предложения новой национальной «Идеи» (или модернизации старой), адекватной масовому / крестьянскому сознанию и способной консолидировать нацию на позитивно-ценностной основе, «интеллектуальная элита» звала сермяжную Русь «к топору», призывала «рубить главы своим мучителям» (А.Н. Радищев).

Еще К.Ф. Рылеев в свое время сформулировал доступную для крестьян «политическую программу» так: *Первый нож — на бояр, на вельмож... / Второй нож — на попов, на святош!.. А молитву сотворя, / Третий нож на царя...* Примечательным образом продолжения подобного «элитарного» творчества может служить, к примеру, и стилизованная под ожидания крестьянского «политического сознания» разнузданная «свободолюбивая лирика» разночинца-правдоискателя Н.П. Огарева: *...Мы правду учинить должны, / Суд мирской злодеям-ворозам, / А злодеи эти вороги: / Все дворяне, все чиновники, / Люди царские, попы, куццы, / Монастырские, пузатые — / Все они нас поедом едят, / Поедом едят — судом судят, / Обложили нас оброками, / Мы за все про все платить должны; / Про их брюхо ненасытное / Работаем с утра до ночи, / Сами наги, сами голодны, / На Руси мы, как в аду, живем! <...> Припасаите петли крепкие / На дворянские шеи тон-*

Таблица 1

ЛИБЕРАЛИЗМ	КРЕСТЬЯНСТВО
<i>Правовое государство</i>	<i>Правый государь</i>
<i>Закон</i>	<i>Обычай</i>
<i>Конституция</i>	<i>Царь</i>
<i>Законопослушность</i>	<i>Властebоязнь</i>
<i>Демократия</i>	<i>Авторитаризм</i>
<i>Многopартийность</i>	<i>Соборность</i>
<i>Плюрализм</i>	<i>Единство</i>
<i>Личность</i>	<i>Община</i>
<i>Гражданское общество</i>	<i>Служилое государство</i>
<i>Буржуазность</i>	<i>Антибуржуазность</i>
<i>Собственность</i>	<i>Антисобственничество</i>
<i>Буржуазный индивидуализм</i>	<i>Авторитарный коллективизм</i>
<i>Буржуазное равенство (как основа правового строя)</i>	<i>Социальный иерархизм (как основа естественного порядка)</i>
<i>Накопительство</i>	<i>Самовоспроизводство</i>
<i>Социальная конкуренция</i>	<i>Круговая порука</i>
<i>Успешность</i>	<i>Эгалитаризм</i>
<i>Протестантская (накопительская) трудовая этика</i>	<i>Православная (потребительская) трудовая этика</i>
<i>Рыночная экономика</i>	<i>Моральная экономика</i>
<i>«Время – деньги»</i>	<i>«Время – праздник»</i>
<i>«Свобода – осознанная необходимость»</i>	<i>«Свобода Воли»</i>
<i>Индустриальное общество</i>	<i>Традиционное общество</i>
<i>Мирный реформизм</i>	<i>Насильственная инверсия</i>
<i>Договорной характер власти</i>	<i>Патернализм</i>
<i>Секулярность</i>	<i>Религиозность</i>
<i>Умеренность</i>	<i>Максимализм</i>
<i>Проповедь солидарности</i>	<i>Поиск врага</i>
<i>Компромисс</i>	<i>Бескомпромиссность</i>
<i>Гражданский патриотизм</i>	<i>Локальный патриотизм</i>
<i>Политическая интеграция</i>	<i>Общинный партикуляризм</i>
<i>Традиции либерально-демократической политико-правовой культуры</i>	<i>Почти полное их отсутствие (наличие иных традиций)</i>
<i>... и т.д. ...</i>	<i>... и т.д. ...</i>
«ЧУЖОЕ»...	«СВОЕ»...

кие, / Добывайте ножи острые / На поповские груды белые, / Подымайтесь, добры молодцы, / На разбой, дело великое...

В XX в. эта тема получила достойное «гражданское» продолжение цветом российской словесности, с суицидальным исступлением воспевавшей будущее всенародное «кровопускание». Так, например, «тонкий эстет» К.Д. Бальмонт предложил публике следующее «политическое» отношение к Царю: *Наш царь — Мукден, наш царь — Цусима, / Наш царь — кровавое пятно, / Зловонье пороха и дыма, / В котором разуму — темно. / Наш царь — убожество слепое, / Тюрма и кнут, подсуд, расстрел, / Царь — висельник, тем низкий вдвое, / Что обещал, но дать не смел. / Он трус, он чувствует с запинкой, / Но будет, час расплаты ждет. / Кто начал царствовать — Ходышкой, / Тот кончит — встав на эшафот...* — и к «гнойному нарыву» Самодержавия в целом: *...О, мерзость мерзостей! Распад, зловонье гноя! / Нарыв уже набух и, пухлый, ждет ножа. / Тесней, товарищи, сплотимтесь все для боя, / Ухватим этого колючего ежа. / Его колючки — итык, его колючки — пули, / Его ухватка — ложь, фальшивые слова. / Но голос волнкости растет в безмерном гуле: / «Прочь, старое гнилье! Пусть будет жизнь жива!»...*

Надо сказать, что само Российское Самодержавие продемонстрировало удивительную (граничащую с маразматически слабоумной старческой немощью) неэффективность борьбы с антисамодержавными действиями своего собственного детища — «лицемерной, фальшивой, истеричной, невоспитанной, ленивой» (А.П. Чехов) «русской интеллигенции». По едкому замечанию В.О. Ключевского, «борьба русского самодержавия с русской интеллигенцией — борьба блудливого старика со своими выблядками, который умел их народить, но не умел воспитать» [6, с. 370].

В результате, и в сознании элит, выступавших преимущественно проводником идей и ценностей в первую очередь западной цивилизации, и в народном сознании, с горечью и досадой ощущавшем разрушение устоев Российской Державы, все более росло и крепло чувство, что «так дальше нельзя», что грядет гроз-

ная пора расплаты и обновления. Обрели особую актуальность не красовские строки о гражданском самопожертвовании: *...Не может сын глядеть спокойно / На горе матери родной, / Не будет гражданин достойный / К отчизне холоден душой, / Ему нет горше укоризны... / Иди в огонь за честь отчизны, / За убежденье, за любовь... / Иди, и гини безупречно. / Умрешь не даром, дело прочно, / Когда под ним струится кровь...*

В культуре России все чаще и чаще стали звучать призывы к крови, все отчетливее выделялись самоубийственные мотивы сознательного взывания лучшими из «высококолых» (не только пассионарными «буревестниками», но и обычно «робко прячущими» свои «жирные тела» интеллигентами-«пингвинами») к могущественной и воистину беспощадной стихии страшно-го, заведомо кровавого, но в то же время «очистительного» и «спасительного» народного бунта, в отличие от выродившегося Самодержавия способного остановить цивилизационный распад России, вырезать «гнойник» и добавить живительной «свежей крови» гинущей Империи. Скорбное предчувствие народной бури («Золотого»), XIX в.: *Знаю: гром ударит и в мое жилище, / Может быть, я первый стану грома пищей. / Лишь могло бы только дерево ожить, / Об упавших листьях нечего тужить!* (Н.М. Минский) — в «Серебряном», XX в. русской поэзии сменилось уверенным величавым дифирамбом «Грядущим Гуннам»: *...Но вас, кто меня уничтожит, / Встречаю приветственным гимном* (В.Я. Брюсов).

Как еще в годы Первой русской революции в стихах, ей посвященных, выразился гениальный художественно-мистический «россиевед» М.А. Волошин: *Народу русскому: я — грозный Ангел Миценья! / Я в раны черные, в распаханную новь / Кидаю семена! Прошли века терпенья, / И голос мой — набат! Хоругвь моя как кровь!..*

Все эти «семена», попадая в «почву», обильно унавоженную активными усилиями «бестолковой, убогой по уму и по сердцу, воистину «беспризорной» русской интеллигенции» (А.Ф. Лосев), ищущей «последнее слово» в чуждых Российской Империи

идеологемах Запада, рано или поздно должны были дать драконьи всходы. Постоянно умножаемая «критическая масса» векового «социального конфликта» крестьянских масс и пренебрегавших народными ценностями прозападнически ориентированных элит предсказуемо должна была выплеснуться в грандиозный «социальный взрыв». И, как и следовало ожидать, взывавшие к кровопролитию пролили кровь...

В 1917 г. после падения Самодержавия, «под железной крышей» которого, по выражению Питирима Сорокина, «жило сто тысяч крестьянских республик», фетиш Царя-Батюшки перестал сдерживать устремления крестьянства в его вековом стоне: «Земли!». И «крестьянский вопрос» стал роковым для рожденной Февралем недоношенной политико-правовой системы, претендующей на звание «самой демократической в мире» и продемонстрировавшей полную несостоятельность в решении этого коренного («корневого») вопроса, являвшегося питательной средой для возникновения конфликтов во всех остальных сферах и важнейшим фактором поляризации общественных сил.

Власти недооценили бунтарские потенции крестьянства и упустили время народного доверия. Потеряв терпение, крестьянские массы приступили к активным самостоятельным («самочинным») действиям по реализации своих чаяний традиционными методами и показали себя не безвольным объектом политики и права, а могущественной силой, на которую никто не мог вполне опереться. Крестьянское воздействие на жизнь страны проявлялось не только в сельской местности, но и во всех значимых городских событиях, сказывалось на позиции и действиях власти, партий и самых разных организаций.

Лишившись поддержки крестьянства, официальная власть «повисла в воздухе». Пользуясь развалом имперских карательных структур и бессилием парализованного политическими шарлатанами государства, раскачанная модернизацией, войной, революцией и партиями, утратившая «почву» крестьянская стихия фактически беспрепятственно чинила свое «правотворчество снизу», не дожидаясь «закона

сверху».

Поведение хлынувшего на революционные улицы крестьянского демоса (и собственно крестьянских, и солдатско-крестьянских, и рабоче-крестьянских масс) после Февральской «демократической» революции оказалось далеким от воображаемых «демократами» политических идеалов и буржуазно-рациональных правил. О степени «понимания» интеллигентскими партиями традиционного объекта интеллигентских утопий — народа России, не соизволившего принять «господские» правила игры в «российскую демократию», — уже перед Октябрем 1917 г. поэт-сатирик В.В. Князев высказался, например, так: *Сужденья черная из книжек, / Творили собственный народ, / И был приятен им, как рыжик, / Духами вспрыснутый Федот. / И вдруг — ужасная картина! / Под топорами пала дверь... / На место ангела — скотина! / На место брата — лютый зверь!!! / Ах, ах! какое превращение, / Где ж русский добрый наш народ... / И вот уж полон возмущенья / Интеллигентский бедный крот...*

Представители потерпевших полное фиаско партий действительно нередко в качестве самооправдания приводили «аргументы» на уровне: «Вот если бы не невежество и темнота вышедшей из берегов народной стихии...» (читай: *Вот если бы не русский народ...*). Когда, спустя без малого век, им вторят некоторые современные «исследователи», это звучит еще более однозвучно (по сути: *«Вот если бы не русская история...»*). Однако, как четко и взвешенно сформулировал еще В.О. Ключевский, все, что делается народом в истории, делается им из «чувства самосохранения», все его значимые для истории действия «запечатлены резкой печатью борьбы за жизнь...» [6, с. 236, 237]. А используя систему классических образов Л.Н. Толстого, можно с уверенностью констатировать, что при оценке народного движения в революции (как и в войне), по меньшей мере, нелепо упрекать народ в том, что в борьбе за выживание в качестве оружия он выбрал *дубину, а не шпагу*.

И если позитивные потенции, таящиеся в недрах крестьянского сознания, не были востребованы «демократическими» силами в

конструктивных целях социальной интеграции, то на его оборотных, разрушительных чертах (функционально обусловленных борьбой за историческое выживание) и пришла к власти партия Ленина, которая использовала взрывную силу общенародного протеста и оскорбленного правового чувства многомиллионного российского крестьянства в качестве своего главного ресурса.

Постфевральский «демократический» режим, по сути, существовал лишь в формально-институциональном смысле, однако в плане социокультурном, социально-правовом, демократия в России так и осталась партийно-правительственным мифом, доктринальной химерой, юридической фикцией, ибо не получила поддержки русского крестьянства, оставшись ему чуждой — и идеологически, и психологически. Введенные «свободы», оказавшись в противоречии с представлениями крестьянства о «правильном порядке», не были подкреплены ни обращением к традиционным Имперским символам, идеям и ценностям, ни развитой правовой системой, ни единством институтов власти, ни соответствующей деятельностью силовых структур — и были уничтожены стихией крестьянского ressentimentа, чьим выразителем стал на время большевизм, основой успеха которого стали осовремененные общинные лозунги.

К осени 1917 г. всероссийское движение общинного демоса фактически приняло откровенно «антидемократический» характер, продемонстрировав массовый отказ от поддержки официальных правительственных структур «самозванцев-временщиков» и общесоциальный сдвиг страны от разочаровавшей ее «либеральной демократии» к *крестьянскому традиционализму*, рекрутированному большевиками под свои красные знамена.

В конце концов, колебания в массовом сознании крестьянства — от упоения анархическим идеалом безвластия — до признания необходимости твердой власти, в правосознательном плане сохранявшей преемственность от традиционного Самодержавия, закономерно закончились установлением диктатуры — власти, способной, наконец, применить долгожданную государственную

силу и обуздать беспощадность русского бунта.

Успокоенное легимизировавшим итоги земельных захватов Декретом, перехваченным большевиками у крестьянофильствующих конкурентов на время закрепления захваченной власти, отвлеченное от происходивших в центре событий «черным переделом» на местах, нейтрализованное иллюзией осуществления вековых чаяний, локализованное всевластием сельских сходов под лозунгом «Вся власть Советам», абсолютное большинство населения России предоставило политическую арену в полное распоряжение большевикам.

Причем опора большевиков на крестьянство не была лишь временным популистским приемом, происшедшее (во всероссийском масштабе) имело куда более глубокою подоплеку.

Пропагандируя ненависть к Самодержавию, большевики фактически заняли его историческое место в массовом (крестьянском) сознании и преемственно продолжили его Имперскую миссию; декларируя интернационализм — уловили целый ряд традиционно-мессианских, имперско-архетипических установок нации, сохранили государственную целостность и независимость России, воссоздали Империю в новом историческом качестве. Формально выражая интересы рабочего класса, большевики действовали во многом созвучно русской крестьянской поземельной общине (и дело не только в поощрении и узаконении «черного передела») — большевики вернули народу причастность к «почве» Империи, вместо десакрализованной и девальвированной старой Идеи — дали новую, восстановили твердую власть, осуществили социальную модель всего государства на общинных принципах и т.д.

«Родство» большевизма как негативным, так и позитивным установкам крестьянского сознания можно (аналогично либерализму, но с точностью до наоборот) наглядно представить, например, следующим (еще более редуцированным) ценностно-смысловым рядом: **табл. 2.**

Приведенная модель описания функциональной роли крестьянства и крестьянского бунта в разворачивании и преодолении системных кризисов России по-

зволюет по-новому взглянуть на целый ряд вопросов, связанных с «общеизвестными фактами» о «парадоксальной непредсказуемости», «двойственности» и «загадочности» русского народа и русской истории.

Почему, например, русский крестьянин (шире: русский народ, русский человек), являвшийся традиционным оплотом государства Российского и носителем множества действительно замечательных качеств, в условиях кризиса Российской Империи 1917 г. проявил свойства как раз не созидательные, а разрушительные? Иначе говоря, повел себя в рево-

люции как «не только зверь, но и дурак» (П.А. Сорокин), и «предстал перед наблюдателями его психоза почти как какая-то другая низшая раса» (П.Н. Милоков). И каков же он на самом деле?

Многие россиеведы зачастую грешат поисками формулировок неких архетипических констант русского сознания, взятого вне времени и конкретно-исторического контекста. Общим местом спекулятивных историософских рефлексий при описании русского национального характера является акцент на его принципиальную «непознаваемость» и множественные констатации

«противоречивости», «полярности», «амбивалентности», «антиномичности»... его субстанциональных качеств («мессианства» и «комплекса неполноценности», «богоизбранничества» и «ущербности», «религиозности» и «безбожности», «святости» и «свинства», «этатизма» и «анархизма», одновременной «холопской» готовности к «смирению» и «казачьей» — к «бунту» и т.д. и т.п.).

Крайности бинарных оценок русского народа — как «народобогоносца» и «народа-зверя», «ангела и скотины», носителя «иконы и топора», парадигмально-лубочного образца «душевного здоровья нации» и «эпилептоида-психопата», хранителя «Святой Руси» в вечности и источника «психопатологий» в смутные времена — могут быть переосмыслены как проявления не «расколотости» и «дискретности», а единства и целостности его исторического пути. Это возможно только в конкретно-историческом и историософском синтезе, с учетом системных параметров взаимодействия власти и общества в России и в контексте циклической динамики функционирования и воспроизводства Империи.

За внешней противоречивостью проявлений народных масс в истории необходимо разглядеть скрытое внутреннее единство их функциональной обусловленности. Возвращаясь к нашей натуралистической аналогии: иммунитет ведь тоже может расшатываться и как спасительная сила, и как сила, работающая на погибель. А то, насколько народные массы «конструктивны» либо «нигилистичны» по отношению к предлагаемым им «историческим альтернативам», в решающей степени зависит от того, способны ли соответствующие элиты понимать и выражать массы, адекватны ли эти элиты собственному народу.

При оценке того, каким образом в российской крестьянстве одновременно сочетаются и признание «необходимости самовластия и прелестей кнута», и «патологическая» готовность к «русскому бунту, бессмысленному и беспощадному», нужно помнить, что социальная патология кроется не столько в народной стихии нигилистического разрушения, сколько в действиях элит, не умеющих или не жела-

Таблица 2

БОЛЬШЕВИЗМ и КРЕСТЬЯНСТВО
<i>«Диктатура» (подменившая «Самодержавие»)</i>
<i>«Коммунизм» (подменивший «Православие»)</i>
<i>«Советскость» (подменившая «Народность»)</i>
<i>«Социальная справедливость» (подменившая идею универсальной Правды, которая есть и Истина, и Справедливость)</i>
<i>«Осовремененные» традиционные лозунги крестьянских выступлений</i>
<i>(«Грабь награбленное», Кто не с нами, тот против нас», «Если враг не сдастся, его уничтожат» и т.д.),</i>
<i>лозунги эпической «политической платформы» Василия Буслаева</i>
<i>(«Кто хочет пить и есть из готового, валися к Васье на широкий двор»)</i>
<i>Традиционные методы управления и властвования насилем</i>
<i>Здоровое понимание жизни каждого человека как Служения великой целостности людей</i>
<i>Монистическое стремление к Всеединству, Братству всех людей</i>
<i>Религиозно-эсхатологическая устремленность к Светлому Будущему</i>
<i>Антибуржуазность, «странничество», искания от «Града своего» (Земного, неправедного...) «Града Грядущего» (Праведного, Небесного, Китежа и т.п.)</i>
<i>Религиозное учение о «двух Царствах» и «Мессии» и представление о возможности заслужить рай мученичеством и/или войной с «неверными»</i>
<i>Главные формы народной утопии (легенды «О Далеких землях», «О мужицком царстве», «О Царе-Освободителе» и т.д.)</i>
<i>Милость к страдальцам—труженикам</i>
<i>Искушение, Мучение для неправедных</i>
<i>Обычные (корпоративно-солидарные, общинные, моральные...) представления о «своих» и «чужих»</i>
<i>Воспроизведение традиционных черт общинной модели («мира») в масштабах всей страны: всеобщая регламентация жизни, «демократический централизм», авторитарный коллективизм, патернализм, эгалитаризм, синкретизм, тождество прав и обязанностей, даже календарь выходных и праздников...</i>
<i>... и т. д. и т. п. ...</i>
«СВОЕ» и «СВОЕ»

© Прашников И.М.

Порожняки

ющих обеспечить поддержку проводимой политики массовым сознанием, тем самым провоцируя нигилистический народный взрыв как естественную реакцию социального организма, пытающегося уничтожить чужеродные импланты.

В заключение, стоит, пожалуй, подчеркнуть, что и сегодня, несмотря на весь «крестьяно-

цид» последнего столетия истории России, жестоко избавлявшейся «от пережитков аграрного общества», внимательное изучение особенностей российского общинного крестьянства по-прежнему таит в себе ключи к адекватному пониманию всех основных «современных» форм протестного движения в отечественном политическом

и социокультурном процессе. Современное осмысление крестьянского правосознания дает возможность преодоления мифа о «правовом нигилизме» русского народа и позволяет постичь историческую функциональность «русского бунта», различив смысл его беспощадности и беспощадность этого смысла.

Источники

1. Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М.: Мосгорархив, 1996.
2. Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. М.: Прогресс-Академия, 1992.
3. Гордон А.В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М.: Наука, 1989.
4. Данилов В.П. Великая крестьянская революция // Октябрь 1917: смысл и значение. М., 1998. С. 9–17 (Или см. на сайте Горбачев-Фонда: http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=149&art_id=13207).
5. История ВКП (б). Краткий курс. М.: Госполитиздат, 1940.
6. Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М.: Наука, 1968.
7. «Крестьянство и власть в истории России XX века» Международный круглый стол, журнал «Власть», Институт социологии РАН, 12 ноября 2010 г. // Вестник архивиста // <http://www.vestarchive.ru/1/1261-lkrestianstvo-i-vlast-v-istorii-rossii-xx-vekar.html>; Институт социологии РАН: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1478.
8. Лурье С.В. Как погибла русская община // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М.: Наука, 1993. С. 136–173.
9. Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М.: АИРО–XXI, 2006.
10. Марченя П.П. Держава и право в русском сознании // Философия хозяйства. 2006. № 1. С. 138–144.
11. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОС-СПЭН, 2006.
12. Народ и власть в российской смуте. М.: Изд. ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, 2010. (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». Вып. 1) // <http://www.isras.ru/publ.html?id=1930>.
13. Осипова Т. От «Великой реформы к Великой революции» // Преподавание истории в школе. 2006. № 8. С. 3–9.
14. Скотт Дж. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. М., 1996. С. 26–59.
15. Федотов Г.П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры. Т. 1. СПб.: София, 1991.
16. Фурсов А.И. Крестьянство в общественных системах: опыт разработки теории крестьянства как социального типа — персонализатора взаимодействия универсальной и системной социальности // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М.: Наука, 1993. С. 56–112.